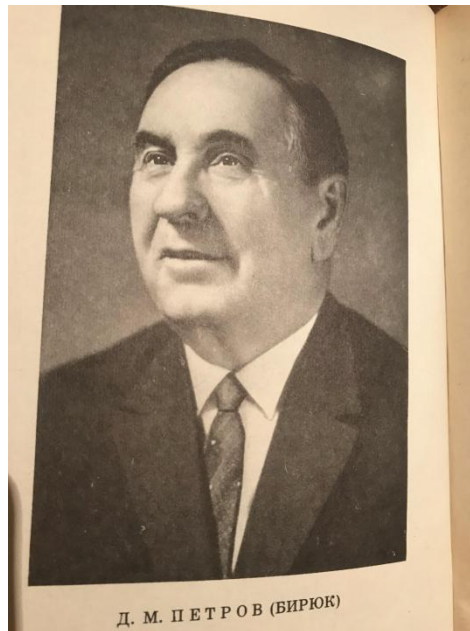

Певец Донской стороны

Дмитрий Ильич Петров (Бирюк)

В этом году российская общественность отмечает 115-летие со дня рождения известного русского писателя Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка) (18(31).10.1900-2.02.1977). Красногвардеец, селькор, журналист, писатель, прошедший типичный путь в советской литературе. Петров (Бирюк) родился в станице Староаннинской на Бузулуке. Дед по линии матери, Дмитрий Антонович Бирюков служил станичным атаманом. Позже в «Истории моей юности» Дмитрий Ильич назовет дедушку «суровым старым казаком» и возьмет его сокращенную фамилию в качестве псевдонима. (*Когда мне исполнилось сорок дней со дня рождения, дед мой, Дмитрий Антонович Бирюков, суровый старый казак, несмотря на отчаянные протесты моей матери, извлек меня из люльки и подстриг «под кружок». Совершив такой обряд, он от души пожелал: - Ну, расти, внучек, добрым казаком. Дай тебе бог счастья! Из книги «История моей юности»*) Детство его было горьким и сиротским. Мать умерла, когда Мите было 7 лет. Отец добрый, но слабохарактерный, мало занимался воспитанием сына. «Любовь к чтению, – вспоминает Петров (Бирюк), – привила мне мать» [2]. К семи годам он уже читал и писал. (*Играя однажды во дворе, я наткнулся на груды бревен, наваленных у забора. Я задумался: а что если из них соорудить корабль? Такой же, например, на каком плавал дядя Иринарх по Азовскому морю или дядя Никодим – по Чёрному... Из книги «История моей юности»*) Учиться в школе Митя Петров начал поздно, поэтому станичное двух-классное училище, рассчитанное на 5 лет обучения, он закончил в 1915 году.

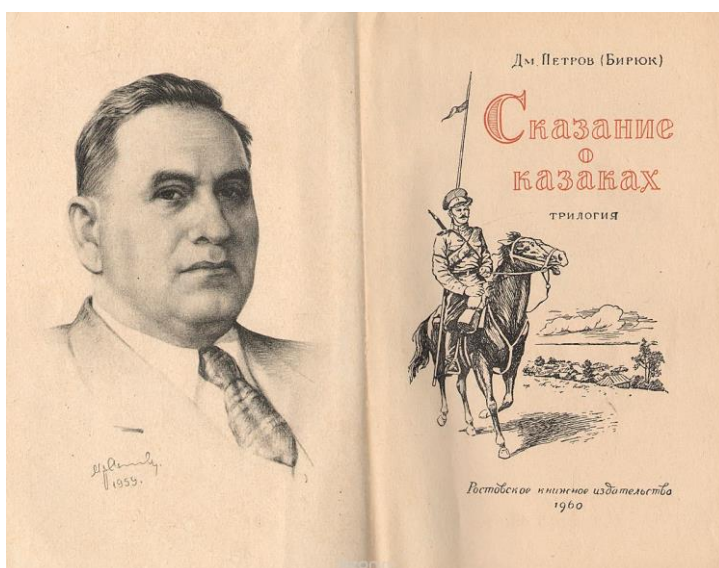
Книги были радостью его полугодного детства. Он читал Пушкина, Гоголя, Л.Толстого, Ф.Купера, М.Рида, которые оставили неизгладимый след в его сознании. В истории казака были взлеты, пленения и чудесные освобождения. В 1918 году он вступил в Красную гвардию, попал в плен, сидел в тюрьме и, наконец, был освобожден «красными». В 1918 году Дмитрий вступает в комсомол, становится организатором и руководителем первой комсомольской ячейки на хуторе Лысогорском.

Дмитрий Петров участник Гражданской войны. Учился в литературном институте им. Горького. В 1925 году Петров (Бирюк) работает в Урюпинской газете «Красный Хопер» и заявляет о себе фельетонами, небольшими рассказами, очерками. В это же время его избирают секретарем Новониколаевского партийного комитета.

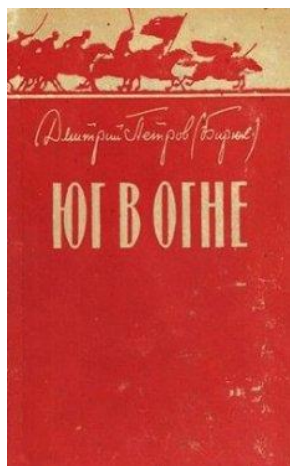
Затем в качестве литературного сотрудника был переведен в Ростов. В 1931 году выходит его первая книжка очерков «Колхозный Хопер», а в 1934 году – выходит первый роман «На Хопре».

Особенно популярна в то время была трилогия Петрова (Бирюка) «Сказание о казаках», которая выходила в свет с 1935 по 1951 г.г. 12 раз. В трилогии автор очень хорошо и убедительно показывает быт донских казаков, сочными красками рисует нравы и быт казачьей вольницы и те разительные перемены, произошедшие с ней за длительный период истории.

Огромную популярность завоевали его роман «Сыны степей донских» и повесть «Степные рыцари», посвященные подвигам донских казаков во время русско-турецких войн XVIII-XIX веков. Дмитрий Петров (Бирюк) известен читателям, как автор исторических романов: «Кондрат Булавин», «Юг в огне».

Во всех этих произведениях историко-приключенческого жанра описаны события из истории донского казачества. Их отличают увлекательность и яркость сюжета, прекрасный язык, незабываемые герои. Вот что говорит автор о своих книгах: «Если бы я не родился в казачьей станице, не бегал бы купаться с босоногими товарищами в Иванково, на Бузулук..., не видел бы каждый день казаков и казачек, не знал бы хорошо казачьего быта, обрядов и обычаев народных, вряд ли я написал что-нибудь» [1].

Детские и юношеские впечатления и послужили основой творчества будущего известного всему миру писателя.

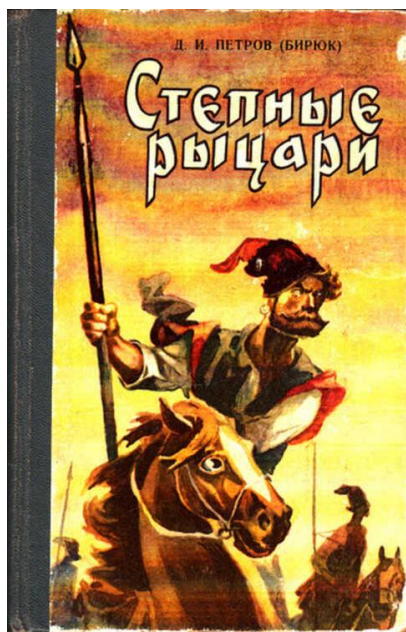
В последнее время книги Дмитрия Петрова (Бирюка) открывают новую серию столичного издательства «Казачий роман», в которую будут включены лучшие произведения, воспевающие славную историю и самобытность российского казачества. За время полувековой разлуки с родной ему станицей Петров побывал в ней только дважды. В 1948 году проездом в Вешенскую к М. Шолохову, и в 1960-ом, когда земляки пригласили его на 60-летие. Но, несмотря на это, он всегда помнил о своих земляках и обязательно отправлял свой новый экземпляр книги в дар с надписью: «Дорогим моим землякам Весовым – на добрую и долгую память. Дм. Петров (Бирюк)».

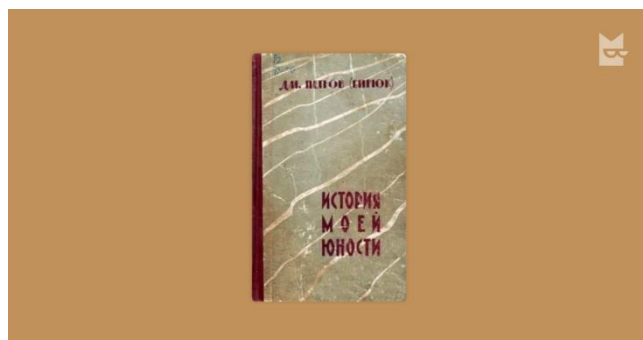
Петров не прерывал связи с хутором, где родился и вырос, и когда там открылась новая библиотека, он послал для нее несколько сот книг, в их числе и свои книги. Позже он неоднократно отправлял

свои произведения в сельскую «избу-читальню», которой впоследствии было присвоено имя Д. И. Петрова(Бирюка).

Сегодня одна из улиц в станице Староаннинской, где родился Дмитрий Петров (Бирюк), названа его именем. Сам Петров способствовал созданию краеведческого музея, в котором есть разделы по истории края, народному образованию станицы Михайловской, минералогии и полезным ископаемым, а также о жизни и деятельности наиболее видных земляков – художника Ильи Машкова, краеведа, фольклориста Бориса Лацилина и, конечно же, Дмитрия Петрова (Бирюка). В Урюпинском музее открыта композиция, посвященная писателю, где выставляются его личные вещи: письменный стол, за которым писатель просиживал по 15 часов в сутки, пишущая машинка «Ундервуд», на которой писатель работал с 1940 года и до конца своих дней. Здесь же и переписка писателя с Семеном Буденным и Климом Ворошиловым, который был страстным поклонником писателя.

Сегодня решается вопрос о создании историко-краеведческого музея в его родной станице, где будет немало экспонатов, отражающих жизнь и творчество Дмитрия Ильича. После того, как Петров в 1968 году посетил свой хутор, выходит его книга «Встречи на Бузулуке и Хопре», и свою рукопись он дарит хуторянам (сейчас она хранится в музее). Д. И. Петров (Бирюк) всегда был очень внимателен к своим корреспондентам и пунктуален во всем. Даже после болезни (у него была парализована рука) он не оставлял без внимания письма односельчан. В одном из последних писем, как бы между строк заметил: «Чувствую, как старею. Ведь мне скоро стукнет 76! Это возраст порядочный...» [1]. В феврале ЕГО НЕ СТАЛО. Он ушел от нас, оставив богатое наследство-книги....

Книги хоперского писателя Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка) пребывают ныне в неизвестности, этого автора не знают даже кадеты, а жаль. В свое время его произведениями зачитывались, его книги были востребованы: «ведь когда-то его ставили на один уровень с М. Шолоховым», рассказывает племянник и писателя, потомственный казак Леонид Яковлевич Наумов [3]. Остается верить, что Д. И. Петров (Бирюк) и его книги снова займут достойное место в литературе и сердцах читателей.

1. Весов, В. Певец Донской стороны / В. Весов // *Здоровье и экология*. – 2015. – № 2 (февраль). – С. 32-33.
2. Весов, В. Если бы я не родился в казачьей станице / В. Весов // *Отчий край*. – 2000. – № 4. – С. 30-43.
3. Весов, В. Он наш, Хоперский / В. Весов // *Здоровье и экология*. – 2015. – № 10. – С. 15-17.
4. Ветрова, К. Старые книги о главном / К. Ветрова // *АИФ НП*. – 2013. – № 27. – С. 9.
5. Трофимов, В. Всему начало в родном краю / В. Трофимов // *Волгоградская правда*. – 2000. – 18 октября. – С. 3.

Кроме, скажем, не вполне удавшегося в текстологическом отношении Н. Поместнова с «Тяжким грехом Булавина» (1884). Или Д. Мордовцева с романом «Идеалисты и реалисты» (1878) – с небольшими вкраплениями персонажей из бывших булавинцев и уклоном в «мрачное», подавляющее разбойничество: «Голытьба, аки саранча шла к нам...». Также тенденцией умеренно-либеральной критики Петровской эпохи.

Плюс не особо реалистические и посему покрытые архивной пылью попытки некоторых советских авторов (Н. Задонский например).

Ну и, конечно, Алексей Толстой мог бы внести крупный вклад в эту тему. К сожалению, «Пётр I» остановлен как раз на подходе к рисуемым П.-Б. повстанческим событиям.

Затрагивалась же та эпоха в основном научными опусами и очерками обществоведческих компетенций. В коих обсуждалось влияние булавинского бунта на ход исторического развития вообще и непосредственной связи предводителя с гетманом Мазепой и шведским королём Карлом XII в частности.

Даже Пушкин отметился в своё время обвинением «Кондрашки» в провокации:

Повсюду тайно сеют яд
Его подсланные слуги:

*Там на Дону казацьи круги
Они с Булавиным мутят.*

Притом постановка вопроса разнилась в зависимости от буржуазно-российского авторства либо «свежего», социалистического.

Возьмём, допустим, дореволюционного историка Д. Иловайского, – представляющего фундамент, краеугольный камень мятежа борьбой донских казаков с Изюмцами (черкасский Спасо-Преображенский казачий полк) за Бахмутские солеварни. Что не соответствует действительности: то был лишь толчок к обострению глобального конфликта. На что, кстати, указал П.-Б. Уверенно зафиксировав то, что гетман Мазепа активно участвовал именно в подавлении бунта.

Несмотря на приличные и причинные разногласия в классовости взглядов научного сообщества, П.-Б. вынимал из монографий, добравшихся в резюмированных сентенциях аж до булавиного «раскольничества»(!), прежде всего фактологический материал: предпосылки смуты, характеристики её течения, хода, движущих сил. По крупницам собирая жизнеописания героев: поскольку биографических сведений очень не доставало.

Более-менее в утомительном восстановлении картин происходивших 200 лет назад плохо изученных событий помогли так называемые «прелестные» письма Булавина и его сподвижников: атаманов Драного, Голого, Некрасова. Также эпистолы непосредственно царя Петра I, войскового атамана Максимова, казачьего старшины Зерщикова. Немалой подмогой-подпиткой стал отчасти сохранившийся правительственный документооборот – начальников Долгоруких, армейских полковников, бригадиров, воевод.

От силушки-то «грузно» им

Долгая напряжённая работа по трудоёмкому сшиванию ткани текста растянулась более чем на 10 годков. Утверждать, подобно историографам прошлого века, что в романе затронут наисложнейший период становления российского государства, мы не можем. Практика показала – летопись Русиматушки полна «дряни» равно как и «гордости ужасной» во все эпохи. В наши дни подавно. А уж битва за Чёрное море решительно не прекращается по сей день – и по сей час. Да и Прибалтика поигрывает мускулами за счёт североамериканских друзей.

Тем не менее, значение результатов двадцатилетней Северной войны за преобладание Балтикой начала XVIII в.; на полвека ранее – героического «азовского сидения» (оборона Азова 1637 – 1642: роман «Степные рыцари») – недооценить невозможно. Как нельзя недооценить присоединения Крыма «в один день» и затем затяжной донабасской бойни. Что наверняка предстоит описать и проанализировать новым, будущим Петровым-Бирюкам, Фадеевым и Шолоховым. Но отвлеклись...

Хотя незалежную упомянули не зря.

Булавинское восстание по времени точь-в-точь совпало с вторжением шведской армии на Украину и чрезвычайно неприятно и болезненно ослабило тылы русской армии. Это и должен учесть и тщательнейшим образом исследовать романист.

Как расставить приоритеты? Кто центральный исполнитель, протагонист книги? Простые вороватые разбойники-бандюганы, «безумцы бедные», нечистые на руку. Или робингуды – защитники обездоленных.

Булавин и Царь: непримиримые антиподы, либо оба – спасители России, побеждающие русское бесноватое варварство варварством собственным, «благим». Остротой поставленных проблем подбираясь к «святому промыслу» и цивилизационной направленности, оправданности идей

пушкинского «Медного всадника», – железной уздой тащившего в западничество упирающуюся матушку-Русь. Причём чуть ли не за «власы» взметя последнюю «на дыбы».

Общеизвестно, казацко-крестьянское движение под предводительством Булавина возникло благодаря, точнее, вопреки «понуканиям» Медного всадника, назло царской лихорадочной гонке в европеизм. Народ слишком, чрезмерно согнулся под крутизной нетерпимости внутренней политики – и не выдержал, взмыв, отпружинив красной былинной стрелой вверх. Не на шутку взъерепенившись супротив основы основ боярской власти – крепостничества. (За два года до булавинского жестоко обезглавлено Астраханское восстание.)

Пролетарский писатель Петров-Бирюк, в свою очередь, тонко очертив казачий быт, раскрыв-«раскрутив» сочную образность языка и великолепие родной природы, – отнюдь почему-то не по-советски монаршую, имперскую правду возвышает над правдой возмущённых людей: «Значит, правда царя побеждает. Видно, ошибку я понёс», – говорит перед смертью Булавин, желая примириться с Петром.

За что был нещадно и по заслугам бит цензурой упрямо и наперекор развивающегося социализма: где же, чёрт побери, революционный дух? – вопрошала критика.

Отдадим должное политработе в СССР: ошибки непокорным зарвавшимся автором вскоре будут исправлены.

В 1951 г., во втором варианте романа «Кондрат Булавин» (предыдущий назывался «Дикое поле») П.-Б. выводит «святую» ипостась согбенного народа на первое место. Чуть отодвинув Петра I в сторону чисто человеческую, «негосударственную». Акцентируя внимание читателя, – наряду с никуда не девшимися необузданностью и жестокостью («или нос отрежут, или языка лишат»): на созидательности Петровской энергии, вселенской прозорливости, недюжинном уме.

Тем самым превратив рецензируемый роман... в общенациональное достояние, – коллективный эпический портрет борющихся масс: в повествование о счастье и горестях отдельно взятых судеб, соединённых воедино. О неизбежности поражения восстания и мятежных лидеров в ту эпоху. Создав произведение-посыл потомкам о величии неиссякаемого оптимизма – неугасающего боевого духа. Где поэтически политизированное происшествие, по-пушкински: без патетики и «насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического».

А зажиточного «домовитого» казака, атамана соляных промыслов и владельца прибыльных варниц обращает в могучего былинного воина, поднявшегося от поместной, собственнической идеологии до уровня тотальной, трогательной надмирной правды. Когда всесветная беспробудная боль становится сугубо личной. Вместе с тем оставаясь простым и доступным в повседневности.

Будто подтверждая слова Белинского, Дм. Петров-Бирюк «...отказывается от изложения исторических фактов и берёт их только в связи с частным событием, составляющим его содержание; но через это он разоблачает перед нами внутреннюю сторону, изнанку, так сказать, исторических фактов, вводит нас в кабинет и спальню исторического лица, делает нас свидетелями его домашнего быта, его семейных тайн, показывает его нам не только в парадном историческом мундире, но и в халате с колпаком».

Следом пойдут неизменные песенно-казачьи мотивы в романах о «тёмном» правлении Павла I – с иезуитско-мальтийским вторжением в палаты двуличного самодура; наполеоновских войнах с задумчивым Кутузовым и лихой джигитовкой «вихрь-атамана» Платова на первых ролях. «Сыны степей донских», «Братья Грузиновы».

Будут западнические заметки – о «монархии доллара» середины XIX в. – книга «Иван Турчанинов». О донском казаке, «русском громобое», заделавшемся американским подданным.

Будет долгое и верное следование-служение традиции русской советской литературы – тьме «низких истин»: традициям Шолохова, Горького, земляка Серафимовича. Публицистике Ленина с его теорией несвободного «холопского вранья», – как без того. Со всеми вытекающими. Правда, «вытекающими» спустя сонмы и сонмы лет спустя. Но не суть. Мы о другом...

О том, что сохранило писателя в нашей памяти.

Это – интерес к человеческому типу, ровеснику века; глубокое знание жизни, бытия деревни.

Раскрывая трансформацию персоналий повествования через «вранья холодный дым» – это умение прийти к всеобъемлющим результатам исследуемой трансформации, – без высокопарности и художественной модернизации. Связывая сложносоставной, раздробленный социальный фон с характерами и со средой. Решая теологическую задачу выявления нравственного, равно хроникально-социального лица воссоздаваемых событий и их героев – донского казачества. Доходя порой до хрестоматийности: например, в батальных сценах.

Что, без сомнения, выдвинуло и определило П.-Б. в первые ряды летописцев-беллетристов, искавших «разгадку русского народа и русской государственности». (Невзирая на несколько «упрощённое» к нему отношение современных критиков: типа «святой» честности П.-Бирюка даже в своих

заблуждениях.) Обретающегося, что ни говори, всё-таки в тени вышеназванных шолоховского «Тихого Дона» или толстовского «Петра I».

Оттого оказавшегося в памяти библиофилов в некотором роде заретушированным, стилистически приглушённым. Но вовсе не забытым. В полной мере вкусившим «сладкой» участи обладателя своеобразной премией соц-бестселлера 1950 – 60-х годов.

«Я не сдержался. Невольная слезинка забороздила у меня по лицу.

– *Спасибо, бабушка...*

– *На здоровье, мой родимый... Всех-то вас жалко, жалко-то ка-ак...*

И зарылась добрая старушка лицом в запон, утирая слёзы.

– *Чаво ты, тётка Марфунька, слюзишь? Убить их надо, а ты ещё им пирога даёшь. Пулю им в лоб, вот чаво, – заорал чей-то мужской голос.*

– *Ишь ты, уби-ить... – взвизгнула добрая старушка. – Ты их родил, бить-то?»* Дм. Петров-Бирюк

«Счастье, как голубь, порхает над нашей головой, а мы не можем его ухватить, а ежели ухватим, то никак не хотим выпустить из рук». Атаман Кондрат Булавин, уничтоженный собственными казачьими старшинами.

Текст подготовлен для журнала [Камертон](#)